

ЕДИНОЕ ЧУВСТВО

Есть ли что-либо прекраснее замечательных слов «мир и дружба»?! Мы, советские люди, воспринимаем их как правду, смысл нашей жизни, в них — уверенность в непобедимости дела мира. Волнующей, страстной силой наполнены эти слова и там, за рубежами нашей Родины, где «мир и дружба» — это самоотверженная, упорная борьба за счастье людей, настойчивое отстаивание народом своих прав.

Мне приходилось не раз выезжать за пределы Советского Союза. В 1951 году я была в числе делегатов СССР на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине, на этом прекрасном празднике молодости мира. Побывала также в Праге, ездила с концертными бригадами по городам Австрии и Англии.

Вереница ярких, радостных впечатлений, наверное, никогда не изгладится в моей памяти. Впечатления эти разнообразны и разнохарактерны, но все они говорят об одном: о горячем стремлении простых людей всех стран к миру, которое я впервые со всей глубиной и остротой почувствовала, встречаясь с молодежью, прибывшей на фестиваль со всех концов земного шара. Все мы, представители различных народов, люди, говорящие на разных языках, придерживающиеся различных воззрений, люди, каждый со своими привычками и мироощущением, были сплочены единым чувством — братства и сотрудничества.

Можно многое рассказать, каким интересным и новым было для меня искусство народов едва ли не ста государств. Представителей молодежи этих государств я

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

2 стр.

1 мая 1955 г.

Н. ГУСЕЛЬНИКОВА,
заслуженная артистка Белорусской ССР

увидела на фестивалях в Праге и в Берлине. Искусство их поражало бесконечным разнообразием, богатством красок. Но — и это самое главное — в нем я увидела жизнь народов, их быт, характер. Мне стало еще ближе и понятнее чувства тех народов, которые были доселе известны лишь по газетам и радио, по книгам, понаслышке. И эти чувства — мир и дружба!

Именно эти чувства я ощущала потом, выступая на концертах в Австрии, и во время своей поездки по Англии, где пела в крупнейших концертных залах: Ройял Фестивал Холл, Альберт Холл в Лондоне, в Фри Трейд Холл в Манчестере и в небольших городах.

Чувство дружбы... Его невозможно полностью выразить словами. Но оно сквозило во всем: в радостной суете встреч на аэродромах и вокзалах, в приветственных криках и овациях, которыми неизменно кончались наши концерты, в теплых, искренних рукопожатиях... Кто-то протягивает блокнот, чтобы мы написали хоть одно слово, кто-то восторженно вручает букет цветов. Вопросы, много вопросов: «Как живут в Советском Союзе артисты?», «Как в СССР учится молодежь?», «Как выглядит новое здание Московского университета?», «Как выглядят Красная площадь, Мавзолей?». Трудно было в этом море людей, окружавших нас, различить лица, трудно отвечать на все вопросы, но это слова и мысли друзей, глаза друзей, и им хотелось ответить самым дорогим, самым теплым, что есть в душе.

Чувство дружбы, которое окружало нас, советских артистов, не смог убить даже

режим американских оккупационных властей. А «прелести» этого режима мы неожиданно испытали на себе в одном из городов Австрии. На сцене зала, где проходил наш концерт, мы вдруг неожиданно для себя увидели сидящих за палудами бюстителей порядка, вооруженных дубинками. Настроение, естественно, было не очень творческое. Но когда я спела «Аллилуйю» Моцарта и среди аплодисментов, которыми был встречен этот номер, различила страстные, пламенные призывы «За мир, за дружбу с советским народом!», «Да здравствует свободолюбивый советский народ!», я вновь почувствовала, какими тесными узами связаны мы, советские артисты, с этим залом — незнакомым, казавшимся нам чужим, среди зрителей которого были люди, всячески стремящиеся выразить нам, представителям страны социализма, свое расположение, свою любовь.

Восторженно принималась всюду, где бы я ни выступала, незатейливая песенка О. Чипко «Пионерская». И не художественные достоинства этого произведения больше всего прельщали моих зарубежных слушателей, а то, что это рассказ о советских детях. Правда, все здесь встречалось как-то особенно горячо, все находило живой отклик: и нежная, задушевная ария Марфы из «Царской невесты», и игривая, задорная каватина Людмилы из «Русалана и Людмилы», и сказочно-прозрачная ария Снегурочки, и проникновенная, бесхитростная «Колыбельная» Айвазяна.

В моем репертуаре было также немало образов западной классики. Все слушалось с огромным интересом, все вызывало бурные восторги, и прежде всего потому, что многие наши слушатели видели в нас посланцев мира, граждан страны, которую они с полным правом, с глубокой убежденностью считают оплотом мира, источником светлых надежд человечества.